

УДК 72.036(470+571)"190/201"
ББК 85.113(2)64-022.60
DOI 10.25281/2072-3156-2025-22-4-376-385

Д.Е. ФЕСЕНКО

ПОСТМОДЕРНИЗМ В СТОЛИЧНОЙ АРХИТЕКТУРЕ РОССИИ В 1990–2010-Е ГОДЫ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КАК ВЕДУЩИЙ ПРИНЦИП

Дмитрий Евгеньевич Фесенко,
журнал «Архитектурный вестник»,
главный редактор
Гранатный пер., д. 7, Москва, 123001, Россия

Московский гуманитарный университет,
кафедра философии, социологии и культурологии,
соискатель
Юности ул., д. 5, Москва, 111395, Россия

ORCID 0009-0001-4175-9078; SPIN 7288-3852
fesenko.dmitry@mail.ru

Реферат. Одним из факторов, воздействующих на российскую, и в частности столичную, архитектуру — иногда эксплицитно, осознанно, чаще «по наитию» или с оглядкой на мировую архитектурную практику, являлась философская мысль. Она формировала культурную атмосферу, интеллектуальное движение, по факту дезавуировавшие культурную тавтологию матрицы модернизма и, шире, идеологический каркас эпохи модерна. Как романтизм, а впоследствии и неоромантизм обращались к различным эпохам и культурам, так и постмодернизм склонен к напряженному всматриванию в горизонт,

к странничеству, восприятию старого как повода к созиданию нового. Отсюда этот его обостренный интерес к таким литературным тропам, как метафора и аллюзия, его склонность к цитатам и референсам, пристрастие бриколажа как проекции мифологического типа сознания. Автор подразделяет постмодернистские концепты, оказавшие влияние на архитектуру, на две группы: устоявшиеся понятия, получившие новую трактовку в постмодернизме, и новые постмодернистские идеи. Первым посвящена данная статья, в которой рассматриваются такие концепты, как метафора, цитация, аллюзия, коллаж и бриколаж, в их преломлении в московской архитектуре рубежа XX–XXI веков. Дается их краткая характеристика, более подробно рассматриваются примеры воплощения в архитектурной практике, в частности, если говорить о метафоре, дом-катамаран, дом-холм, дом-корабль и др. Подчеркивается, что влияние постмодернистских концептов на столичную архитектуру России носит неравномерный характер: если обращением к цитатности отмечен этап 1990-х — начала 2000-х гг., то метафора, аллюзия, коллаж и бриколаж остаются актуальными на всем протяжении 1990–2010-х годов. Наряду с архитектурой выявленные постмодернистские идеи оказали влияние

на другие виды российской художественной практики — от литературы и музыки до кинематографа и изобразительного искусства. Данный перечень может быть расширен за счет других постмодернистских концептов, нашедших отражение в столичной архитектуре России рубежа XX–XXI вв., среди них ирония, игра, двойное кодирование, ностальгия, палимпсест.

Ключевые слова: архитектурный процесс, постмодернистские концепты, метафора, цитация, аллюзия, коллаж, бриколаж, архитектура.

Для цитирования: Фесенко Д.Е. Постмодернизм в столичной архитектуре России в 1990–2010-е годы: переосмысление как ведущий принцип // Обсерватория культуры. 2025. Т. 22, № 4. С. 376–385. DOI: 10.25281/2072-3156-2025-22-4-376-385.

Отечественная архитектура за три десятилетия постсоветского развития прошла значительный путь, состоящий из ряда исторических этапов. На разных хронологических отрезках одни течения и направления сменяли другие, какие-то константы сохранялись на всем протяжении постсоветского периода.

От 1990-х к 2000-м и от 2000-х к 2010-м гг. сменяли друг друга стиливые предпочтения и ориентиры, вместо прежних лидеров (личностей, организаций) приходили новые. За период 1990–2010-х гг. возникли и оформились такие стилистические феномены, как лужковский стиль и постмодернизм, нео-ар-деко/неоклассицизм и неомодернизм, регионализм и минимализм.

За этой находящейся в постоянном движении архитектурной диспозицией скрывались глубинные социально-политические, экономические, социокультурные трансформации. Относительно устойчивые тенденции и поверхностная событийная канва причудливо переплетались, генерируя импульсы, доходившие до архитектурной профессии, оказывавшие воздействие (в том числе трансформирующее) на архитектурный процесс.

Одним из факторов, влияющих на российскую, и в частности столичную, архитектуру — иногда эксплицитно, осознанно, со ссылками на соответствующие работы знаменитых философов и культурологов, чаще «по наитию» или с оглядкой на мировую архитектурную практику, являлась философская и культурологическая мысль, чаще западная, хотя, например, в рамках синергетики или теории самоорганизации в Советском Союзе, а затем в России сформировалась собственная мощная традиция. И все же большая часть постмодернистских идей, регулярно сменявших друг друга, появлявшихся на культурном небосклоне с 1960-х гг., ис-

ходила от ведущих фигур философии и культурологии Запада. Это Р. Барт [1] и К. Леви-Строс [2], Ж. Деррида [3] и Ж.-Ф. Лиотар [4], Ф. Джеймисон [5] и М. Фуко [6], Ж. Делёз, Ф. Гваттари [7] и Ж. Бодрийяр [8]. Конечно, этот ряд был бы неполным без выдающегося архитектурного мыслителя Ч. Дженкса [9]. Вкупе они формировали культурную атмосферу, интеллектуальное движение, по факту дезавуировавшие культурную матрицу модернизма и, шире, идеологический каркас эпохи модерна.

Некоторые из постмодернистских концептов отличались преемственностью по отношению к модернистским образцам, например метафора и коллаж. Другие противостояли модернистским догматам, апеллируя к более ранним античным или нововременным образам, таким как симулякр или складка, либо несли в себе концептуальную новизну — имеются в виду пастиш и деконструкция. Очевидна историческая динамика: этап постмодернизма определяли такие концепты, как цитатность, аллюзия или тот же коллаж; пришедший ему на смену деконструктивизм с идеей использования складки открыл зеленую улицу нелинейной архитектуре.

Такие важнейшие концепты постмодернистской философии, как ризома и лабиринт (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) [7], интертекстуальность (Р. Барт [1], Ю. Кристева [10]), в архитектурной науке используются для характеристики структуры города [11], но с трудом применимы к описанию современной архитектуры, российской уж точно, быть может за исключением интертекстуальности. В то же время множество постмодернистских идей воплощается российскими архитекторами в проектах и постройках, а также инсталляциях, арт-объектах, средовых мизансценах на всем протяжении 1990–2010-х годов.

Выявленные постмодернистские концепты, находящие отражение в архитектуре рубежа XX–XXI вв., можно разделить на старые, переистолкованные в постмодернизме, и новые. Собственно, этим установившимся понятиям, получившим новую трактовку в постмодернизме, посвящена настоящая статья.

Целый ряд средств художественной выразительности, вполне традиционных, использовавшихся в том числе еще на заре человечества, актуализируются в модернизме, а затем в постмодернизме. Дело в том, что каждая историко-культурная эпоха формирует собственное культурное поле, используя приемы и средства из арсенала прошлых периодов развития, оказавшиеся созвучными, входящими в резонанс с устремлениями наступающего нового века. Тем более это справедливо по отношению к постмодерну, культура которого пронизана токами прошлого, пассаистическими настроениями, инклюзивностью, противопоставляемой эксклюзивности и демиургизму, свойственным модернистской культуре. Эта открытость постмодерна к истории,

его интерес ко всем без исключения периодам мировой культуры, отказ от модернистской догматики, от поползновений что-нибудь да сбросить с корабля современности делают его восприимчивым к самым разным традициям.

Как романтизм, а впоследствии и неоромантизм обращались к различным эпохам и культурам, так и постмодернизм склонен к напряженному всматриванию в горизонт, к странничеству, восприятию старого как повода к созиданию нового. Плюрализм, всеприятие и выход из равновесного состояния становятся знаком и знаменем постмодернизма. Отсюда этот его обостренный интерес к таким литературным тропам, как метафора и аллюзия, склонность к цитатам и референсам, приятие бриколажа как проекции мифологического типа сознания, отсюда и терпимое, толерантное отношение и новое прочтение модернистских или широко применявшихся инструментов, хотя, казалось бы, в соответствии с законом отрицания отрицания постмодернизм должен был с негодованием отвергать наследие и культурный багаж своего предшественника и оппонента.

Таким образом, мы будем говорить о пяти феноменах, актуализированных в постмодернистской культуре и нашедших отражение в архитектуре рубежа XX–XXI веков.

МЕТАФОРА: АЛЬТЕРНАТИВА АРХИТЕКТУРНОЙ АСКЕЗЕ

Метафора — это одно из наиболее плодотворных художественных средств, используемых в архитектурной практике, начиная как минимум с Древнего Египта. В российском архитектуроведении хрестоматийной является статья В.Ф. Маркузона, датируемая еще концом 1930-х гг., в которой автор предлагает широкий экскурс в историю от древнеегипетских лотосовидных колонн до древнегреческой дорики [12]. Однако именно постмодернизм ввел метафору в архитектуру в общекультурный обиход, во многом благодаря трудам Ч. Дженкса, у которого этот сюжет проходит красной нитью через всю его книгу «Язык архитектуры постмодернизма», ставшую библией современной архитектуры [9].

Греческое слово *μεταφορά* значит «перенесение». Оно было введено Аристотелем в трактате «Поэтика», написанном в 335 г. до н. э. [13]. В эпоху постмодерна архитектурная метафора претерпевает изменения, приобретая целый ряд характерных качеств, и прежде всего ироничность. Это связано с известным противопоставлением метафизического и иронического типов мышления, нашедшим отражение в том числе в архитектуре [14].

Можно перечислить многочисленные здания-метафоры — реализации, получившие распространение в российской архитектурной практике на рубеже XX–XXI веков. Среди них: **дом-холм** — музей на Куликовом поле (архитекторы С. Гнедовский, А. Любимкин и др.) и спортивно-оздоровительный теннисный центр в Кунцево (архитекторы Ал. Асадов, А. Асадов и др.), **дом-авиалайнер** — штаб-квартира ОАО «Аэрофлот — российские авиалинии» [15] (архитекторы: В. Плоткин, Н. Ромишевская, И. Лелякина, А. Травкин, И. Ильевская, И. Тюрин, Ю. Денисова, Т. Диашева, С. Дудкин, Е. Ковшель, Н. Лызлов, Е. Михайлова; конструкторы: А. Андреев, В. Паненков, С. Щербина; инженеры: И. Кац, В. Серебrenников, А. Торнополь, Р. Каюмов; рис. 1); **дом-корабль** — торговый центр «Китеж» или бизнес-центр «Легион III» на Киевской улице в Москве (архитекторы А. Боков, Д. Буш); **дом-перископ** в Подмоскowie (архитектор З. Хадид); **дом — супрематический натюрморт** — Московская школа управления в Сколково (архитекторы Д. Аджайе, А. Чельцов, Г. Эбердинг и др.); **дом-яйцо** — жилой дом в переулке Машкова (архитекторы С. Ткаченко, О. Дубровский и др.); **дом-кокон** — клуб «Кокон» на проспекте Мира (архитекторы А. Кузьмин, В. Савинкин); **дом-гвоздь** — ТЦ «Гвоздь» на Волоколамском шоссе (архитекторы А. Скокан, А. Яралов и др.); **дом-куча** на Б. Покровской улице в Нижнем Новгороде (архитекторы А. Харитонов, Е. Пестов и др.).

Как видим, в подавляющем большинстве случаев архитектурные метафоры основываются на чисто формальном сходстве или пересечении объекта и референта. Однако бывает, что они отсылают к тому или иному классу явлений, например к «задворочной» архитектуре («Про голубятни и все такое», архитектор А. Вовк), или к значимым социокультурным феноменам либо тенденциям, в частности к научно-техническому прогрессу.

ЦИТАТНОСТЬ И АЛЛЮЗИЯ: ОТ БУКВАЛИЗМА К АССОЦИАТИВНОСТИ

Цитатность и аллюзия часто сопровождают друг друга. Первую отличает буквализм, привязка к тексту-референту, если не прямолинейность [16]. В основе второй лежит ассоциативность, предполагающая более свободное, в ином случае небрежное обращение с первоисточником.

Так же как и метафора, цитатность и аллюзия оказываются ведущими постмодернистскими тропами, активно используемыми в литературе, изоб-

Рис. 1. Метафора. Дом-авиалайнер.
Штаб-квартира ОАО «Аэрофлот – российские авиалинии» на Шереметьевском шоссе, Москва. 2009 [15, с. 74]

разительном, музыкальном искусстве. В архитектуре факт применения этих художественных средств обычно без труда считывается специалистами, чего не сказать о неподготовленной публике. Оpozнание или расшифровка требуют профессионального бэкграунда, так называемой насмотренности, тем более что цитаты и аллюзии могут иметь различную пространственную и пластическую природу и различаться масштабом — от градостроительного до детального уровня.

Цитатность и аллюзия связаны множественными нитями с другими постмодернистскими концептами — иронией, игрой, ностальгией, палимпсестом. Несмотря на внутренний, присущий архитектуре консерватизм, все они представлены в архитектурной, в том числе столичной, практике 1990–2010-х годов.

В отечественной архитектуре звездный час цитирования, интертекстуальности и других сугубо постмодернистских «изобретений» пришелся на 1990-е — начало 2000-х годов. Диапазон — от реплик древнеримской архитектуры («Помпейский дом» в Филипповском переулке [17], архитектор М. Белов, интерьеры — С. Бархин; рис. 2) до отсылающего к дому Прозоровского руки В. Баженова офисного здания на Б. Почтовой улице

(архитектор Д. Бархин и др.) и круглящихся проемов и майоликового панно в первой версии банка «Гарантия» на Б. Покровской улице в Нижнем Новгороде (архитекторы А. Харитонов, Е. Пестов, С. Попов и др.).

Аллюзия является одной из разновидностей цитации, отличаясь от последней большей опосредованностью, нелинейным характером. С латыни «аллюзия» переводится как «намеки, шутка». Автор при ее использовании отсылает, нередко в скрытой форме, к каким-то прецедентам — историческим событиям и фактам, художественным произведениям, мифологическим сюжетам, наконец к персоналиям. Тем самым речь идет о заимствовании фрагмента существующего текста, т. е. аллюзия предстает в качестве интертекста, элемента текста-источника [18].

Широко используется аллюзия в постмодернизме, нередко она носит юмористический или сатирический характер. Если говорить об архитектуре, то в большей мере это относится к американскому опыту, в отечественной же практике аллюзию чаще отличает академическая серьезность.

В России постмодернизм вызвал к жизни архитектурную аллюзию в 1990–2010-е годы. Как правило, речь идет об отсылке к тому или иному сти-

Рис. 2. Цитатность.
«Помпейский дом» в Филипповском переулке, Москва. 2005 [17, с. 336]

листическому периоду архитектурной истории или даже к конкретному объекту. Так, новый жилой дом на Карповке в Санкт-Петербурге М. Мамошина является прямой отсылкой к шедевр ар-деко середины 1930-х гг. — дому на Карповке Е. Левинсона и И. Фомина. Деревянная архитектура яхт-офиса, дома-телескопа или гостевых домиков Т. Куземаева на Клязьминском водохранилище в Московской области оказывается опосредованным референсом конструктивистского опыта 1920-х годов. Офис «Макдоналдс» на улице Огарева А. Воронцова представляет собой реплику стеклянной архитектуры американских небоскребов конца XX века. В образе жилого дома Brodsky A. Цимайло и Н. Ляшенко проступает метафизическая архитектура с полотен Дж. де Кирико и Дворца цивилизации Г. Гуэррини, Б. Ла Падула и М. Романо в квартале Всемирной выставки в Риме (построен в 1935–1943 гг.; выставка не состоялась по причине Второй мировой войны). «Даниловский форт» (архитекторы С. Скуратов, С. Романов, Е. Кузнецова; рис. 3) несет в себе сразу два кода: оммаж промышленной архитектуре (кирпичному рационализму) дореволюционной эпохи и крепостному

зодчеству — благодаря едва заметной кривизне — криватуре стен (что оправдывает имя собственное комплекса) [19].

КОЛЛАЖ И БРИКОЛАЖ: ОТ МОНТАЖА К ПЕРЕСБОРКЕ

Коллаж и бриколаж сходятся в далекой исторической перспективе в случае, когда в коллаже используются артефакты, извлеченные из-под временных завалов, например пережившие свое время этикетки и прочие документальные свидетельства той или иной эпохи. Также коллаж и бриколаж объединяют стоящие за ними иронический тип мышления и установка на остранение формы.

В части применения того и другого в актуальной архитектурной практике расхождение очевидно. К технологии коллажа, как правило, обращаются в значимых с градостроительной точки зрения объектах, когда требуется визуально уменьшить объем, разъять целое на отдельные фрагменты. В то же время коллаж используется и в станковых работах.

Рис. 3. Аллюзия.

Многофункциональный офисный центр «Даниловский форт» на Новоданиловской набережной, Москва. 2008 [19, с. 78]

К бриколажу прибегают в большей мере в артистическом сегменте профессии либо при проектировании камерных объектов. В свете расширения экологической повестки, рециклинга и т. п. не исключено, что у бриколажа появится возможность расширить сферу влияния, выйти на городской уровень.

Понятие «коллаж» происходит от французского collage — наклеивание. Коллажность эпохи постмодерна предполагает радикальный эклектизм, совмещение «высокого стиля» и арго, множественность комбинаторных перестановок исходных художественных единиц [20, с. 20–22]. На рубеже XX–XXI вв. архитекторы нередко прибегали к технике коллажа преимущественно при организации протяженных линейных структур и крупных градостроительных образований.

В работах Мастерской-ТАФ (Театра архитектурной формы) коллаж оказывается сквозным методом организации материала, особенно это относится к экспо- и графическому дизайну. В выставочном дизайне чаще всего это проявляется в способе сопряжения различных экспозиционных мизансцен и в соединении экспонатов и прочих элементов внутри каждой такой мизансцены [21, с. 154].

Своеобычную линию архитектурного коллажа, которую можно назвать социальной архитектурой, еще с «бумажных» времен вплоть до 2010-х гг. развивал А. Зосимов. Большинство его работ связано с острашением формы, разрушением привычных норм ее восприятия [22].

В архитектурной практике рубежа XX–XXI вв. диапазон использования коллажных приемов предполагает как относительно камерные объекты, где коллажность работает на эмоциональное восприятие окружающей среды, так и крупномасштабные градостроительные единицы. В качестве архитектурных примеров можно привести реконструкцию административного здания компании «Трансрейлсервис» [17] на Нижней Красносельской улице (архитекторы А. Асадов, А. Частнов; рис. 4) и Центр реабилитации на улице Кашёнкин Луг А. Чернихова. Среди градостроительных примеров — жилые кварталы в Кирове, Ижевске, Ульяновске, построенные мастерской «Архстройдизайн АСД» А. Иванова и имитирующие разновременную городскую среду, следуя в фарватере известных работ Л. Крие, Л. Кролла и др., относящихся к 1970–1990-м годам.

Рис. 4. Коллаж.
Реконструкция административного здания компании «Трансрейлсервис»
на Нижней Красносельской улице, Москва. 1996 [17, с. 38]

лы ТАФ. Бывает, что и местные деревянные объекты (от прялок и лопат до чесалок и детских игрушек) «подправляются», «пресуществляются» в новое художественное состояние.

Один из первых концептов Мастерской-ТАФ, восходящих еще к 1990-м гг., — это «дизайн для выживания», и одной из его предпосылок является бриколаж.

Говоря об архитектурном бриколаже, нельзя обойти вниманием объекты А. Бродского. Прежде всего это построенные в арт-парке в Никола-Ленивце в рамках фестиваля «Архстояние» «Ротонда» (2009), набранная из найденных по ближайшим деревьям выброшенных за ненадобностью деревянных дверей [24], и «Вилла» (2018), составленная из железобетонных секций легендарного забора ПО-2 (плита ограждения), разработанного архитектором Б. Лахманом в 1970-е годы.

«Ротонда» стоит посреди поля. В центре — печь. Сооружение отсылает к парковым павильонам эпохи барокко и одновременно к русской избе, пространство которой организовано вокруг очага. В «Ротонде» можно войти и выйти в любую из дверей, подняться наверх, на второй этаж, и далее на крышу. Старая дверь с облупившейся краской воспринимается как портал в иной мир притягательного зазеркалья (рис. 5).

Если говорить об объемном проектировании, то бриколажные приемы преимущественно обнаруживают себя в так называемой архитектуре без архитектора, в большинстве своем вряд ли достойной профессионального внимания. Исключением может служить 38-метровая деревянная башня в Архангельске, возведенная в середине 1990-х гг. местным бизнесменом и снесенная по решению суда в 2009 г.: в то время в соответствии со строительными нормами деревянные постройки не должны были превышать трех этажей.

ВЫВОДЫ

Такие постмодернистские концепты, как метафора, цитатность, аллюзия, коллаж, бриколаж, находили применение на предыдущих этапах развития культуры, но в рамках постмодернизма их использование нередко обретает специфические черты.

Бриколаж (от фр. *bricolage* — сделай сам) — аналог английского *DIY* (do it yourself) и русского «голь на выдумки хитра». В то же время под бриколажем понимается игра в мяч со свойственными ей неожиданными отскоками. В архитектуре и дизайне рубежа тысячелетий создание объекта «из того, что было» с неожиданными функциональными и художественно-эстетическими эффектами получило широкое распространение, т. е. актуальными оказались оба этих значения [23].

В философский дискурс понятие «бриколаж» ввел К. Леви-Строс, акцентировав мифологический аспект. По его мнению, бриколаж является одной из моделей традиционного общества. Он сравнивает бриколера с инженером или специалистом [2].

Принципы бриколажа в конце XX — начале XXI в. активно применялись в отечественном концептуальном искусстве, в том числе в архитектуре, эксподизайне, арт-скульптуре. В этом смысле показательны сами имена работающих в этом жанре: В. Савинкин, П. Виноградов, А. Бродский, Н. Шумаков, а также бюро «А-Б», Мастерская-ТАФ.

В творчестве ТАФ бриколажная линия связана с превращением «железяк» в арт-объекты в процессе художественной состыковки и сварки в основном фрагментов и деталей сельхозмашин и механизмов, найденных на свалке в Ошевенске Архангельской области, где расположены летняя и зимняя шко-

Отличительной стороной метафоры в эпоху постмодерна является ирония. Также созвучна постмодернизму множественность значений и ассоциаций, генерируемых архитектурной метафорой. Если говорить о ее классификации, то в большинстве случаев речь идет о сходстве формальных признаков объекта и референта. Из других вариантов — апелляция к классу явлений, к тому или иному событию или тенденции. Метафора вместе с цитатностью, аллюзией, пастисшем и симулякром помогает реализовать замысел архитектурного постмодернизма.

И цитатность, и аллюзия опираются на весь мировой архитектурный опыт, который оказывается объектом иронической игры. В отличие от цитатности аллюзии свойствен нелинейный характер, большая свобода от первоисточника. При этом и цитатность, и аллюзия нуждаются в декодирующих усилиях со стороны зрителя.

Коллаж и бриколаж пересекаются в узкой области монтажа отслуживших свой срок артефактов: в первом это частный случай, во втором — неперемное условие. Для постмодернистского коллажа и бриколажа важными предпосылками являются ирония и острающее формообразование. В сравнении с органической целостностью модернистского коллажа постмодернистский коллаж отличается раздробленностью, обособленностью составляющих его элементов. Если сфера распространения коллажа — от «бумажной» архитектуры и дизайна до архитектуры и градостроительства, то для бриколажа характерен более камерный масштаб.

Влияние постмодернистских концептов на столичную архитектуру России носит неравномерный характер: так, обращение к цитатности превалировало на этапе 1990-х — начала 2000-х гг., а метафора, коллаж, бриколаж и аллюзия остаются актуальными на всем протяжении 1990–2010-х годов.

Наряду с архитектурой выявленные постмодернистские концепты оказали воздействие на другие виды российской художественной практики — от литературы и музыки до кинематографа и изобразительного искусства.

Данный перечень может быть расширен за счет других постмодернистских концептов, нашедших отражение в столичной архитектуре России рубежа XX–XXI вв., среди них — ирония, игра, двойное кодирование, ностальгия, палимпсест.

Рис. 5. Бриколаж.
Арт-объект «Ротонда» в арт-парке д. Никола-Ленивец
Калужской области. 2009 [24, с. 92]

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва : Прогресс, 1989. 615 с.
2. Леви-Строс К. Первобытное мышление. Москва : Республика, 1994. 384 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. Москва : Ad Marginem, 2000. 511 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. 159 с.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос : философско-литературный журнал. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 04.04.2025).
6. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой. Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2020. 413 с.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / [пер. с фр. Д. Кралечкина]. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 670 с.
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / [пер. с фр. А. Качалова]. Москва : Постум, 2015. 238 с.
9. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. А.В. Рябушина, М.В. Уваровой ; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. Москва : Стройиздат, 1985. 137 с.
10. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу / [пер. с фр. Е.А. Орловой]. Москва : Академический проект, 2013. 285 с.

11. Данилова Э.В. Архитектурный интертекст Бернара Чуми // Градостроительство и архитектура. 2022. Т. 12, № 1. С. 90–97. DOI: 10.17673/Vestnik.2022.01.11
12. Маркузон В.Ф. Метафора и сравнение в архитектуре // Архитектура СССР. 1939. № 5. С. 57–59.
13. Аристотель. Поэтика // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998. С. 1064–1112.
14. Добрицына И.А. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. Москва : Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.
15. Павликова А. Штаб-квартира — не обязательно небоскреж. Офисный комплекс «Аэрофлот — российские авиалинии» на Международном шоссе // Архитектурный вестник. 2009. № 6 (111). С. 72–81.
16. Зоря А.А. Типология цитирования в искусстве второй половины XX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сборник научных статей. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2012. Вып. 2. С. 334–340.
17. Фесенко Д. Фасад/Разрез. Российская архитектура 1990–2000-х гг. Москва : Архитектурный вестник, 2008. 526 с.
18. Кругликов В. Постмодернизм. Типа возвращение в искусство // AdIndex — информационное отраслевое издание : сайт. 2011. 21 ноября. URL: <https://adindex.ru/publication/gallery/2011/11/21/82552.shtml> (дата обращения: 11.04.2025).
19. Савкин К. Перевоплощение. Фабрично-офисный центр на Новоданиловской набережной // Архитектурный вестник. 2009. № 4 (109). С. 74–83.
20. Васильев Н.Ю. Коллаж в зарубежном дизайне 1960–1990-х годов как прототип архитектурного формообразования : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 2011. 23 с.
21. Ермолаев А.П. Словарь дизайнера для работы в XXI веке. Москва, 1998. 178 с.
22. Александр Зосимов: «Бумажная архитектура избавляет от необходимости идти на компромисс» / [интервью В. Бабурова] // Архитектурный вестник : сайт. 2021. 25 марта. URL: <https://archvestnik.ru/2021/03/25/aleksandr-zosimov-bumazhnaya-arkhitektura-izbavlyayet-ot-neobkhodimosti-idti-na-kompromiss/> (дата обращения: 11.04.2025).
23. Строева О.В. Модели производства современной культуры: бриколаж и деконструкция. Наскальная живопись мегаполисов // Философия и общество. 2014. № 2. С. 135–141.
24. Фадеева М. Прыжок на месте, или Попытка улететь // Архитектурный вестник. 2009. № 6 (111). С. 92–95.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*

Статья поступила в редакцию 17.12.2024; одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 04.07.2025.

Postmodernism in Russian Metropolitan Architecture in the 1990s–2010s: Rethinking as a Leading Principle

Dmitry E. Fesenko

“Architectural Bulletin” Journal, 7 Granatny Lane., Moscow, 123001, Russia
Moscow Humanitarian University, 5 Yunosti Str., Moscow, 111395, Russia
ORCID 0009-0001-4175-9078; SPIN 7288-3852;
fesenko.dmitry@mail.ru

Abstract. *Philosophical thought was one of the factors influencing Russian and, in particular, metropolitan architecture — sometimes explicitly, consciously, more often “by naivety” or with reference to world architectural practice. It formed the cultural atmosphere, the intellectual movement, which in fact disavowed the cultural tautology of the matrix of modernism and, more broadly, the ideological framework of the Art Nouveau era. Just as*

Romanticism, and later Neo-Romanticism, turned to different epochs and cultures, so postmodernism is inclined to stare intensely into the horizon, to wander, to perceive the old as an occasion for the creation of the new. Hence its keen interest in such literary tropes as metaphor and allusion, its penchant for quotations and references, its acceptance of bricolage as a projection of a mythological type of consciousness. The author categorizes postmodern concepts that have influenced architecture into two groups: established concepts reinterpreted in postmodernism and new postmodern ideas. This article is devoted to the former, in which such concepts as metaphor, quotation, allusion, collage and bricolage are considered in their reflection on the Moscow architecture at the turn of the 20th–21st centuries. Their brief characterization is given, and examples of their embodiment in architectural practice are considered in more detail, in particular, if we talk about the metaphor of the catamaran house, the hill house, the ship house, etc. It is emphasized that the influence of postmodernist concepts on Russian capital architecture is uneven: while the stage of the 1990s — early 2000s is marked by an appeal to quotation, metaphor, allusion, collage and bricolage remain relevant throughout the 1990s–2010s. In addition to architecture, the identi-

fied postmodernist ideas have influenced other types of Russian artistic practice, from literature and music to cinema and visual arts. This list can be extended to include other postmodernist concepts reflected in Russian capital architecture of the turn of the 20th–21st centuries, among them irony, play, double coding, nostalgia, palimpsest.

Key words: architectural process, postmodern concepts, metaphor, quotation, allusion, collage, bricolage, architecture.

Citation: Fesenko D.E. Postmodernism in Russian Metropolitan Architecture in the 1990s–2010s: Rethinking as a Leading Principle, *Observatory of Culture*, 2025, vol. 22, no. 4, pp. 376–385. DOI: 10.25281/2072-3156-2025-22-4-376-385.

References

1. Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poehtika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 615 p.
2. Levi-Strauss C. *The Savage Mind*. Moscow, Respublika Publ., 1994, 384 p. (in Russ.).
3. Derrida J. *Of Grammatology*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000, 511 p. (in Russ.).
4. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2016, 159 p. (in Russ.).
5. Jameson F. Postmodernism and Consumer Society, *Logos: philosophical and literary journal*. Available at: https://ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (accessed 04.04.2025) (in Russ.).
6. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2020, 413 p. (in Russ.).
7. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007, 670 p. (in Russ.).
8. Baudrillard J. *Simulacra and Simulations*. Moscow, Postum Publ., 2015, 238 p. (in Russ.).
9. Jencks Ch. *The Language of Post-Modern Architecture*. Moscow, Stroizdat Publ., 1985, 137 p. (in Russ.).
10. Kristeva J. *Semiotika. Issledovaniya po semanalizu* [Semiotics. Studies on Semanalysis]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013, 285 p.
11. Danilova E.V. Bernard Tschumi's Architectural Inter-text, *Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2022, vol. 12, no. 1, pp. 90–97. DOI: 10.17673/Vestnik.2022.01.11 (in Russ.).
12. Markuzon V.F. Metaphor and Comparison in Architecture, *Arkhitectura SSSR* [Architecture of the USSR], 1939, no. 5, pp. 57–59 (in Russ.).
13. Aristotle. Poetics, *Ehtika. Politika. Ritorika. Poehtika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk, Literatura Publ., 1998, pp. 1064–1112 (in Russ.).
14. Dobritsyna I.A. *Ot postmodernizma – k nelineinoi arkhitekture. Arkhitektura v kontekste sovremennoi filosofii i nauki* [From Postmodernism to Nonlinear Architecture. Architecture in the Context of Modern Philosophy and Science]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004, 416 p.
15. Pavlikova A. Headquarters Are Not Necessarily Skyscrapers. Aeroflot – Russian Airlines Office Complex on the International Highway, *Arkhiteturnyi Vestnik* [Architectural Bulletin], 2009, no. 6 (111), pp. 72–81 (in Russ.).
16. Zorya A.A. Typology of Quotation in the Art of the Second Half of the 20th Century, *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva : sbornik nauchnykh statei. Vyp. 2*. [Actual Problems of Theory and History of Art: collected articles. Issue 2]. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2012, pp. 334–340 (in Russ.).
17. Fesenko D. Fasad/Razrez, *Rossiiskaya arkhitektura 1990–2000-kh gg.* [Facade/Section. Russian Architecture of the 1990s–2000s]. Moscow, Arkhiteturnyi Vestnik Publ., 2008, 526 p.
18. Kruglikov V. Postmodernism. A Kind of Return to Art, *Adindex: website*. 2011, 21 November. Available at: <https://adindex.ru/publication/gallery/2011/11/21/82552.phtml?ysclid=m9cnbh75lw294889147> (accessed 11.04.2025) (in Russ.).
19. Savkin K. Transformation. Factory and Office Center on Novodanilovskaya Embankment, *Arkhiteturnyi vestnik* [Architectural Bulletin], 2009, no. 4 (109), pp. 74–83 (in Russ.).
20. Vasiliev N.Yu. *Kollazh v zarubezhnom dizaine 1960–1990-kh godov kak prototip arkhitekturnogo formoobrazovaniya* [Collage in Foreign Design 1960–1990-s as a Prototype of Architectural Morphogenesis], Cand. art hist. diss. abstr. Moscow, 2011, 23 p.
21. Ermolaev A.P. *Slovar' dizainera dlya raboty v XXI veke* [The Designer Dictionary for Work in the 21st Century]. Moscow, 1998, 178 p.
22. Baburov V. (ed.) Aleksandr Zosimov: “Paper Architecture Eliminates the Need to Compromise”, *Arkhiteturnyi Vestnik : website*, 2021, March 25. Available at: <https://archvestnik.ru/2021/03/25/aleksandr-zosimov-bumazhnaya-arkhitektura-izbavlyayet-ot-neobkhodimosti-idti-na-kompromiss/> (accessed 11.04.2025) (in Russ.).
23. Stroeveva O.V. The Models of Production of Modern Culture: Bricolage and Deconstruction. Rock Painting of Megalopolises, *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2014, no. 2, pp. 135–141 (in Russ.).
24. Fadeeva M. Jump on the Spot, or an Attempt to Fly Away, *Arkhiteturnyi vestnik* [Architectural Bulletin], 2009, no. 6 (111), pp. 92–95 (in Russ.).

The article was submitted 17.12.2024; approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 04.07.2025.